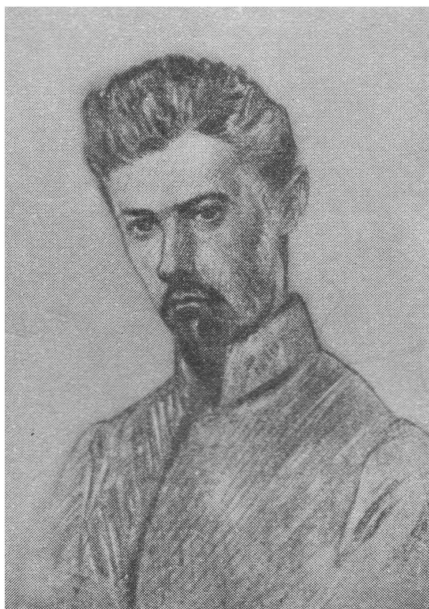

Шандор ПЕТЁФИ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 19
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

ШАНДОР ПЕТЁФИ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Составила и редактировала
АННА КРАСНОВА

С предисловием Анатоля Гидаша

Издательство „ПРАВДА“
Москва. 1946

ШАНДОР ПЕТЕФИ

«Я предпочитаю стать жертвой своих отважно и неумолимо высказанных убеждений, нежели обвинять себя в трусости, потому что я хочу жить в ладу не с миром, а с самим собой», — так писал о себе величайший венгерский поэт, революционный демократ, один из вождей революции 1848 года в Венгрии — Шандор Петёфи.

Шандор Петёфи родился 1 января 1823 года. Отец его — Иштван Петрович — был сербом, мать — Мария Хруз — словачкой. Сам он в детстве, кроме венгерского, отлично владел словакским языком.

До шестнадцати лет Петёфи учился, потом отец его совсем обеднел, и мальчик стал странствующим актёром. Семнадцати лет его взяли в солдаты, но он тяжело заболел — и его отпустили. Петёфи снова поступил учиться, но нужда заставила его бросить учебу и опять пойти на сцену.

Актёрская жизнь его складывается неудачно, он терпит жестокую нужду. В 1844 году, собрав последние силы, больной, оборванный, он решил идти пешком в Пешт с единственным своим богатством — тетрадью стихов. Крупнейшим венгерским поэтам того времени стихи его понравились, их напечатали. С тех пор слава Петёфи растёт. Вся страна распекает его любовные песни, дивится чудесной описательной силе его поэзии, восторгается его патриотическими, политическими стихами.

К 1848 году Петёфи — уже властитель дум и чувств демократически настроенной Венгрии. Он вступает в революцию как вождь радикальной республиканской молодёжи и до самого конца остаётся верным, последовательным бойцом. Не только одними стихами боролся он за демократическую Венгрию: в качестве офицера он принимает участие в битвах против реакционных сил Европы. В 1849 году 26-летний Шандор Петёфи погиб на поле сражения. Останки его были погребены в общей могиле безвестных героев, павших за свободу и национальную независимость Венгрии. Тело Петёфи, могила его не найдены.

«Только славянским происхождением могу я объяснить до конца революционность Петёфи и его беспримерный интернационализм. Всей своей личностью и поэзией он одинаково счастливо избежал немецкого влияния», — писал полстолетия спустя после смерти Петёфи другой великий венгерский классик — поэт Эндре Ади.

«Если б Петёфи не погиб в 1849 году в борьбе за венгерскую свободу, тогда после подавления революции он спасся бы от реакции за границей и в Парижской коммуне, на какой-нибудь из уличных баррикад, защищал бы прекрасные идеи Коммуны», — эти слова написаны также Эндре Ади, ратовавшим в начале XX века за торжество идей Петёфи.

«Восторжествовал ли его дух?» — спрашивает в 1936 году, в годы реакции в Венгрии, современный венгерский поэт Дьюла Ййеш в своей книге «Петёфи» и продолжает: «Каждый может чувствовать себя скупщиком краденого, если он наслаждается только красотой его стихов и отгораживается от того приказания, которое они заключают в себе. Только выполнив его, можем мы признать за собой право почитать его поклонниками».

Желания, мечты, приказания, заключавшиеся в стихах Петёфи, осуществляются только сейчас, почти через столетие, в освобожденной Красной Армией демократической Венгрии. Ещё много осталось сделать для того, чтобы все эти приказания были выполнены.

* *

*

Эта небольшая книжечка — только скромная попытка познакомить русского читателя с отдельными произведениями из богатейшего и прекрасного поэтического наследия венгерского поэта.

АНАТОЛЬ ГИДАШ

Москва, 1 марта 1946 года.

ПОЭТЫ XIX ВЕКА

Не для пустой забавы пой,
В угоду суетному миру!
Готовься к подвигу, поэт,
Когда берёшь святую лиру,
И если хочешь воспевать
Свою лишь радость да страданья,
Не оскверняй заветных струн, —
Нужны ль тогда твои созданья?

В пустыне знойной страждем мы,
Как Моисей с его народом,
За божьим огненным столпом
Он шёл по землям и по водам.
А ныне огненным столпом
Людей поэт ведёт в пустыне.
Господь поэту повелел
Вести их к новой Палестине.

Ведите ж их, поэты, в бой,
Навстречу пламени и грому!
Будь проклят, кто, презрев народ,
Изменит знамени святому!
Проклятье всем, кто отстаёт,
Проклятье трусости и лени!
И тем, кто, бросив свой народ,
Ушёл искать прохладной тени.

Пророки лживые твердят,
Что мы пришли в предел желанный,
Что здесь окончен долгий путь
И мы — в земле обетованной.
Ложь! Говорю вам: это ложь!
Не миллионы ль страдают ныне
И терпят голод, жажду, зной,
Скитаясь в огненной пустыне!

Когда любой сумеет брать
От счастья полными горстями,
Когда за стол закона все
Придут почётными гостями,
И солнце мысли, воссияв,
Над каждым домом загорится,
Мы скажем: вот он, Ханаан,
Пришла пора остановиться!

Но до прихода новых дней
Не будет нам успокоенья,
Быть может, не оплатит жизнь
Нам эти битвы и боренья,
Но смерти кроткий поцелуй
Смежит нам взор, и благосклонно
Она на ложе из цветов
Опустит нас в земное лоно.

1847.

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Вам кажется: поэзия — тележка.
Дорога есть, лошадка есть — садись!
Но стих — орёл! Свободно он взлетает
Туда, где нет путей, — на волю, ввысь.

А вы, бессильные, пустые трусы,
Вы ждёте, чтобы путь открыли вам.
Пройдёт поэт — и, словно псы за костью,
Бросаетесь вы по чужим следам.

Хватай перо! Пиши, когда ты в силах
Идти туда, где не бывал другой!
А нет — берись за плуг иль за колодку
И стих свой жалкий растопчи ногой

1844.

АИСТ

На свете много птиц, по-разному их славят,
По-разному хулят.
Одним всего милей красивый голос птицы,
Другим — её наряд.
Моя — бедна, как я, не знает звучных песен,
Не блещет красотой:
Наполовину бел, наполовину чёрен
Убор её простой.

Чудесный аист мой! В семье друзей пернатых
Он многих мне милей,
Крылатое дитя моей земли прекрасной,
Моих родных степей.
Быть может, аиста лишь оттого люблю я,
Что вырос вместе с ним,
Он забавлял меня, ещё младенца в люльке,
Курлыканьем своим.

Со мной делил он жизнь. Когда, бывало, с поля
Подняв весёлый шум,
Мальчишки вечером в деревню гнали стадо,
Мечтательно-угрюм,
Я уходил грустить под камышовым стогом,
Часами наблюдать,
Как дети моего любимца просят пищи,
Как пробуют летать.

И там я размышлял, досуг мой коротая,
В сгущающейся мгле:
Зачем, бескрылые, всю жизнь обречены мы
Влачиться по земле?
Любая даль земли ногам людским доступна,
Простор любых широт.
Но не в земную даль, — в небесные высоты
Мечта меня зовёт.

Взлететь бы к солнцу, ввысь, и поглядеть, умчавшись
В лазурные поля,
Как в шляпе, сотканной из воздуха и света,
Красуется земля.

Когда же, всё в крови, закатывалось солнце,
Тьмой ночи сражено,
Я думал: верно всем, кто людям свет приносит,
Погибнуть суждено.

Радушной осени ждут не дождутся дети,
Она идёт, как мать,
С корзиной, полную плодов и винограда,
Питомцев угощать.
И только я врага в ней чувствовал: на что мне
Подарки сентября,
Когда мой лучший друг, мой аист, улетает
За дальние моря!

Следил я, как шумят, летят, несутся стаи
Неведомо куда.
Не так ли ныне я слежу, как жизнь и юность
Уходят навсегда!
Чернели на домах покинутые гнёзда,
Сквозь слёзы я глядел,
И мне предчувствие, подобно ветру, пело:
Таков и твой удел.

Когда ж весной вдруг земля освобождалась
От шубы снеговой
И надевала вновь свой доломан зелёный
С цветами и травой,
О, и моя душа, ликуя, надевала
Свой праздничный наряд.
Я за околицу бежал, чтоб видеть первым,
Как аисты летят.

Но детство минуло, и юность удалая
Грозой пришла ко мне.
Вот у кого земля горела под ногами!
На диком скакуне,
Поводья опустив, любил я вольно мчаться,
Один в глуши степей.
И, подкатав штаны, за мною гнался ветер.
Но конь мой был быстреей.
О степь, люблю тебя! Лишь ты душе приносишь
Свободу и простор.

Среди твоих равнин ничем не скован разум,
Не ограничен взор.
Не тяготят меня безжизненные скалы,
Как неотвязный сон.
Звнящий водопад на память не приводит
Цепей унылый звон.

Иль некрасива степь? О нет, она прекрасна,
Но надо знать её.
Она, как девушка, стыдливо под вуалью
Таит лицо своё.
Она решается, подняв вуаль, лишь другу
Открыть свои черты,
И ты в смятении внезапно видишь фею
Волшебной красоты.

Люблю я степь мою! Я всю её объездил
На огненном коне.
В глуши, где, хоть умри, следа людей не сыщешь,
Скакать случилось мне.
Я спрыгивал с коня, над озером валялся
В густой траве степной.
И как то раз гляжу — и вижу: что за чудо!
Мой аист предо мной.

Он прилетел ко мне; с тех пор мы полюбили
Вдвоём в степи мечтать.
Я, лёжа, созерцал вдали фата-моргану,
Он — озерную гладь.
Так, неразлучно с ним, провёл я детство, юность.
Он был мне друг и брат,
И я люблю его, хоть но поёт он песен
И прост его наряд.

О милый аист мой, ты — всё моё богатство,
Всё, что осталось мне
От незабвенных дней, которые провёл я
В каком-то сладком сне.
Пора прилёта птиц! Зимой твержу, тоскуя:
«Приди, скорей приди!»
А осенью, мой друг, тебе во след шепчу я:
«Счастливого пути!»

1847.

*
* * *

Война приснилась как-то ночью мне,
На ту войну мадьяр позвали,
И меч в крови носили по стране, —
Как древний знак передавали.

Вставали все, увидев этот меч,
Была пусть капля крови в жилах,
Не денег звон, как плату, нам беречь, —
Бесценный цвет свободы платой был нам.

Как раз тот день был нашей свадьбы днём.
Что нашей свадьбы, девочка, короче!
За родину чтоб пасть мне под огнём,
Ушёл я в полночь первой ночи.

В день свадьбы, девочка, уйти на смерть, —
Да, правда, это жребий страшный!
Но грянет бой, и я уйду, поверь,
Как я ушёл во сне вчерашнем.

1845.

КАНДАЛЫ

За вольность юноша боролся
И брошен, скованный, в тюрьму:
И потрясает он цепями,
И цепи говорят ему:
«Звени, звени сильнее нами,
Но в гневе проклинай не нас.
Звени! Как молния, в тирана
Наш звон ударит в грозный час!

Ужель тебе мы не знакомы?
Когда за вольность шёл ты в бой,
В твоей руке, мечом блистая,
Врага рубили мы с тобой.
Так вот где встретил ты, страдалец,
Твой верный меч на этот раз!

Звени! Как молния, в тирана
Наш звон ударит в грозный час!

Да, из меча превращены мы
В оковы гнусною рукой.
О горе! Мы томим в неволе
Того, с кем шли за вольность в бой.
И эта ржа — багрянец гнева,
Стыда, что тайно гложет нас.
Звени! Как молния, в тирана
Наш звон ударит в грозный час!»

1846.

МАЛАЯ КУМАНИЯ

Снова отлучался
В Малую Куманию к домашним.
Где бы вы ни очутились, всюду
Тянет к милым пашням.
Исходил равнину,
Вкруг которой, точно дочку обнимая,
Встретились родительские руки
Тиссы и Дуная.

По приезде в город
День и ночь в столице, средь её содома,
Мысленно брожу по брошенным низовьям
У родного дома.
Чуть зажмурю веки,
С живостью встают в душе, как пред глазами,
Чудные места, одно другого краше,
В бесподобной раме.

Середина лета.
Солнце на подъёме и пыхтит, бедняжка.
Огненным дождём струится знойный полдень
На степную кашку.
Всюду степь, и я уйти не в состоянии
От небесной сини и от синей степи
В месте их слиянья.

Прохожу лугами.
Вон волы на пастьбе развалились в спячке.
В этот жар собой не властвует скотина.
Не до жирной жвачки,
Волопас поодаль,
Вытянувшись, спит на коже пастушьем.
Обленились псы и на мою особу
Смотрят с равнодушьем.

Вон ручей в ложбине
Медленно сочится по зелёной балке,
Гладь его мертва и только оживает
Под крылом рыбалки.
Дно отлично видно,
Мелюзги в песке, пиявки сколько всякой!
Пауки водой, как по-суху, шныряют,
Ноги раскорякой.

Цапля копошится
В тёмных камышах, и аиста супруга,
Сунув клюв в ручей, глотает жадно что-то
С крайнею натугой
И, поджав ходулю,
Гордо замирает, на другую вздыбась.
А в приречных травах стаями без счёту
Горько кличет чибис.

Вон следы колодца.
Обвалился, сгнил он и порос осокой.
Но торчит стояк и цело коромысло
С жердью одинокой.
К мареву ль степному
Приковала взоры эта жердь на страже?
Мало ли она жарами навидалась
Марев и миражей?

А вдали и вправду
Наважденье зноя в жаровой завесе
Постоялый двор приподняло на воздух,
Держит в поднебесье.
Но луга всё реже,

Всё безводной край, и степь назад отходит.
Вихрь холмит пески и их поочерёдно
Сносит и возводит.

После долгих странствий
Вновь пойдут маячить хуторян хибарки.
Пахнет свежим сеном, каркают вороны,
Скалятся овчарки.
Дальше небосклона
Белокурым морем разлилась пшеница.
Кланяется, никнет, головой мотает,
Зреет, колосится.

Васильки средь нивы.
Полыхает мак, и на меже, у воза,
Как звезда в крови, щетинится шиповник
Розаном с занозой.
Наступает вечер.
Облака пушатся в лёгкой позолоте.
Чудо-облака! Вы стаей детских сказок
Надо мной плывёте.

Захолустный город.
Церковь с колокольней в стародавнем стиле,
А пройдя сады, за выселками, мельниц
Маховые крылья.
Чем приворожили
Мельницы меня к своим кругам гигантским?
В ярмарку так встарь ходили акробаты
Колесом цыганским.

1848.

ДВОРЯНИН

Его привязывают к лавке,
Спина до плеч заголена.
Он вор, грабитель, — слов достойных
Не сыщешь, что за сатана.

А он артачится, и — в голос:
«Плетями? За какой провин?»

Не прикасаться к благородным!
Я дворянин! Я дворянин!»

Слыхали, как он льёт помои
На вас, отцы его отца?
Да ведь за это высечь мало!
На виселицу молодца!

1844.

И ВОТ Я В ЛЕТЕ ВОЗРАСТА МУЖСКОГО

И вот я в лете возраста мужского.
Весна счастливой юности ушла
И много песен и цветов душистых,
И много упований унесла,
И жаворонка звонкого, чьи трели
Меня будили с первым блеском дня.
Как тѣмен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Нет в роще птиц, нет солнца в небе хмуром,
Туман над полем стелется сырой.
В пустыне гнезда только ветер грустный
Заходит песню спеть порой.
Нет шелеста в лесу моих мечтаний,
Редает он, сухой листвою звеня.
Как тѣмен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Звезду рассвета бледнозолотую
И серебро предутренней росы
Действительность рукою грубой стѣрла,
Как только день приблизили часы.
Удушлив зной, блуждают в небе тучи,
Растут заботы, жизнь мою тесня.
Как тѣмен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Средь романтических скал бурлил когда-то
Глубокий, тѣмный, сладостный поток, —
Поток тщеславья! День и ночь, бывало,

Его струёй я наслаждаться мог.
Он не иссяк, но больше пить не жажду,
Пусть пьёт другой, мечту свою пьяня.
Как тѣмен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Сам от себя бегу я, но напрасно,
На мой народ с надеждою гляжу,
Но вижу, как безвольный, развращѣнный
К смертельному идѣт он рубежу.
Сожму кулак, вскипает кровь — и что же!
Лишь негодую, плача и стена.
Как тѣмен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

Люби меня — так пламенно, так нежно,
Как я люблю, даруй мне до конца
Тот свет, который в сердце вобрала ты
От благостного божьего лица.
Ты весь мой мир, ты вся моя отрада,
Звезда моих ночей и солнце дня,
Как тѣмен был бы мир, мой светлый ангел,
Когда б не полюбила ты меня!

1848.

ОДНО СТРАШИТ МЕНЯ, ДРУЗЬЯ...

Одно страшит меня, друзья:
Ужель умру в постели я,
Увяну, точно в поле злак,
Который источил червяк,
Истаю, как свеча, что светит в полутьму,
Ненужная в пустом жилище никому!
Нет, не такой я смерти жду.
О господи, пускай паду,
Как дуб, который молнии сожгли
И ветер вырвал с корнем из земли,
Иль как скала, которую с высот
Обрушил гром, колебля небосвод.
Когда народы устремятся в бой

Ярем низвергнуть вековой,
И раскраснеются восторженные лица,
И море стягов красных загорится,
Взметнув до небосвода
Священный клич:

«Всемирная свобода!»

И от заката до восхода,
По всей земле, гремящих труб раскаты
Тиранам возвестят, что грянул час расплаты, —
Пусть в великом бою
Смерть найду я свою,
Пусть из юного сердца последняя капля прольётся, —
Если с губ моих крик ликованья сорвётся,
Он потонет в бряцанье стальном,
Заглушит его пушечный гром,
И в последней погоне
Пусть промчатся по мне распалённые кони
За победой, под гром торжествующих труб,
Пусть останется там мой растоптанный труп,
А после, дождями омытые кости
Друзья соберут на кровавом погосте
И прах мой с оркестром, средь чёрных знамён,
Проводят в торжественный день похорон
К могиле братской для сынов народа,
Погибших за тебя, всемирная свобода.

1846.

В КОНЦЕ ГОДА

Старый год, итак, уходишь?
Порожнём уходишь? Стой!
Под землёю мрак могильный,
Надо бы туда светильню.
Песнь мою возьми с собой!

Вновь, испытанная лира,
Службу я тебе задам.
Ты со мной с поры ребячьей.
Что же нам сказать в придачу
К прежде сказанным словам?

Если славилась ты звуком,
Оправдайся пред молвой.
Заслужи бывшее мненье
И торжественность мгновенья
Звука важностью удвой.

Ну, а вдруг последний вечер
Это на твоём веку?
Может быть, потрогав струны,
В угол я тебя засуну
И назад не извлеку?

Я в вояки записался
И на поприще большом
Распрощусь с тобой покуда
И стихов писать не буду,
Или только палашом.

Ну так разбушуйся, лира!
Выйди вся из берегов.
Пусть струна с струною сцепит
Крик, и смех, и плач, и лепет
Спутай жизнь и смерти зов.

Будь, как буря, пред которой
Дубы с корнем — кувырком,
Или расчеши полоску
Еле слышным, как расчёска,
Бороздящим ветерком.

Будь, как зеркало, и в лицах
Жизнь мою восстанови,
С первым возрастом начальным
На глубоком дне зеркальном
И бездонностью любви.

Душу вывори, лира,
Вспомни солнца мотовство
И обеими руками
Сей слабеющее пламя
В час захода своего.

До последних замираний
Звуков сдерживай раскат,
И в горах времён, пожалуй,
Твой аккорд, как гул обвала,
Будущности повторят.

1848.

ТИССА

Пал на землю сумрак пеленой,
Тихо плещет Тисса предо мной.
Резвый Тур, что к матери ребёнок,
К ней стремится, говорлив и звонок

Средь размытых берегов река
Катится, прозрачна, широка,
Не ломает солнца луч волною,
Не рассеет пеной кружевную.

И лучи на рдяной глади вод
Завели, как феи, хоровод,
И звенят невидимые хоры,
И бряцают крохотные шпоры.

И ковром по самый край земли
Золотые травы залегли,
А поля просторны и широки,
И на них снопы — что в книге строки,

Дальше, величавый и немой,
Дремлет лес, внизу окутан тьмой,
Только кроны от зари багровы,
Будто кровь струится из дубровы.

С берега склонились над водой
Ивы да орешник молодой,
А в просвете рдеет сквозь верхушки
Тусклый шпиль в далёкой деревушке.

Всё молчало. Замерла вода.
Лишь свистела птица иногда,

Как комар вдали, не уставая,
Мельница жужжала луговая.

К берегу напротив из села
Девушка с кувшином подошла,
На меня взглянула, наклонилась,
Зачерпнула, быстро удалилась.

Я молчал, не двигаясь, во мгле,
Точно вдруг прикованный к земле,
Заглядысь в темнеющие воды,
Опьянённый красотой природы.

О, природа, с языком твоим
Наш язык могучий несравним,
Ты молчишь, но речи бессловесной
Внемлет слух, как музыке чудесной.

Я добрался к ночи в хутора,
Ужинал плодами у костра,
Ярким жаром ветви трепетали,
Долго мы с друзьями толковали.

Но скажите, — молвил я друзьям, —
Чем же Тисса досадила вам,
Почему всегда она в ответе?
Ведь покорней нет реки на свете.

Через три или четыре дня
На заре набат поднял меня,
Крик: «Снесло! Прорвало! Горе, горе!»
Глянув в окна, я увидел — море.

Тисса будто цепи сорвала,
Всю плотину в щепки разнесла,
Разлилась, не ведая предела,
Проглотить весь мир она хотела.

1847.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь — не соловьиный скит,
Где с пеньем пробуждаются от сна.

Пока земля наполовину спит,
От поцелуев солнечных красна.

Моя любовь — не тихий пруд лесной,
Где плещут отраженья лебедей,
И, выгибая шеи пред луной,
Проходят вплавь, раскланиваясь с ней.

Моя любовь — не сладость старшинства
В укромном доме среди густых ракии,
Где безмятежность, дому голова,
По-матерински радость-дочь растит.

Моя любовь — дремучий тёмный лес,
Где проходимцем ревность залегла
И безнадежность, как головорез,
С кинжалом караулит у ствола.

1844.

БРОДЯГА

Если денег нет в кармане,
Нет и в брюхе ни черта.
У меня в кармане пусто,
Вот и в брюхе пустота.

Я на голод не в обиде,
Хоть не ел уже два дня:
Кто-нибудь на белом свете
Пообедал за меня.

Завтра, завтра есть я буду
(Коль достану что-нибудь),
Сладкой матери-надежды
Пососу покуда грудь.

У меня в желудке пусто,
Но зато полны глаза:
Каждый миг от этой стужи
Застилает их слеза.

И пускай, пускай морозит,
Подгоняет холодок!
С ним короче до трактира,
А трактир ещё далёк.

Ну-тка, серая, гнедая,
Ну-тка, ноги, побыстрей!
Что за кони, просто прелесть.
Не корми да не жалей!

Левый оттого лишь серый,
Правый оттого гнедой,
Что вчера, продрав штанину,
Я кусок пришил с другой.

У меня костюм был новый,
Был он крепок да хорош,
Так, чтоб он не истрепаля,
Я спустил его за грош.

А чтоб вор меня не грабил, —
Эх, провёл я подлеца:
Отдал в первом же трактире
Грош мой за стакан винца.

Пусть теперь наскочит жулик,
Пусть хоть грош отыщет он, —
Я ему в награду тут же
Отсчитаю сотню крон.

Но не вор в карман мой лезет,
Шарит ветер мокрый там.
Брось ты, ветер, эти штучки,
Право, шлёпну по рукам.

Шутка шуткой, а погоду —
За разбой бы да под суд.
Ливень, холод, снег да ветер —
Одного четыре бьют.

И босой — по лужам еду.
Впрочем, этак лучше мне:
В сапогах сегодня плавать
Мокро было бы вдвойне.

Так пускай хохочет ветер
Оттого, что я промок.
Он когда нубудь мне тоже
Попадётся на зубок.

Бог пошлёт мне мастерскую,
С тёплой печью, в два окна.
Будет в ней светло и чисто,
Будут дети да жена.

А тогда уж, если ветер
Взвует у моих окон,
Засвищу ему я в рожу,
Чтоб со злости лопнул он.

1847.

*
* *

Все говорят, что я поэт;
И я того же мненья.
Но ты, о дорогая, нет,
Не славь мои творенья.

Не мучь меня своей хвалой,
Мне совестно до боли.
Я по сравнению с тобой —
Ничтожество, не боле.

Ведь в каждой мысли у тебя,
Мелькнувшей без названья,
И в каждом вздохе, что едва
Теснит твоё дыханье,

И в каждом взгляде милых глаз.
С их сокровенной речью,
И в голосе, что столько раз
Летел душе навстречу,

В улыбке на твоих устах,
Пожалуй, больше вдвое
Поэзии, чем в пятистах
Стихах, рождённых мною

1847.

ПИСЬМО КЯНОШУ АРАНЬ

Что ты — скончался, любезный, иль, может быть,
руки отсохли?

Янко мой, где ты? Забыл, что я существую?
Чорт унёс тебя, что ли? Месяц — ни слуху, ни духу!
Если тебя приняла колыбель вечной жизни — могила,
Мир тебе, Янко! Приснишь тебе сон бескручинный!
И да упрёки мои твой священный покой не тревожат
Что ж ты молчишь? Почему опоздал ты с ответом,
Если отсохла рука — в аптеку ступай, постарайся,
Сын мой, поправиться и напиши мне не медля.
Если ж забыл меня, если ты друга забыл, непутёвый,
Дьявол заешь тебя, слышишь, — желаю от чистого сердца.
В час, когда имя своё вписал ты огнём в моё сердце,
Знаешь ли, что ты содеял? Ты сталью на тверди

гранитной
Напечатлел, о, изменник, во веки бессмертные буквы!
Да, но я сам! Неужели на зыбком песке начертил я
Имя своё, — на песке, что ветер летучий развет?
Что ж, и за это спасибо!.. Нет, лучше признаю,

что стих мой
Даже хромал иногда, но не верю, что другом покинут.
Вот в чём беда: ты лентяй, такой же, как я, лежебока.
Сделай же милость, будь скромен, а лень для меня уж

оставь ты!
Видишь, она мне подходит (и здорово!), ты не согласен?
Ну, если я попрошу! Я вижу: вскочил ты,
Ручку за шиворот взял и суёшь её носом в чернила,
Множество длинных борозд по невинной бумаге проводишь,
Сеешь в них разную дрянь, какие-то жалкие мысли...
Лучше уж не писал бы, чем столько премудрости глупой
В письма пихать и в моё злополучное бедное брюхо...
Можно ль найти что-нибудь глупее, чем умные письма!
Я их ужасно боюсь. Не с того ли, что сам не умею
Стряпать такие; — возможно! — А в истине слов моих, Янко,
Я поклянусь табаком, и блинами, и всем, что на свете
Дорого мне и священо, — всеми святынями мира.
Достопочтенная кумушка, я попрошу вас нижайше
Мужа убить, а потом изругать, если этот мерзавец
Даже теперь не ответит, после всего, что сказал я.
Пусть отвечает подробно, — уж если о милости вашей
Он мне ответит два слова, бешено буду я злиться.

Пусть не забудет он чёрного Лаца и беленькой Илуш,
Деток прелестных. А как поживает, скажите,
Сад, на котором так часто покоился взор мой, покуда
Дух улетал далеко, любовь унося к моей милой?
Что с обветшалою башней, которая после сражений
Грустно молчит, перевив чело своё редкой травой,
Словно грядущего ждёт, под чьей исполинскою лапой
Рухнет она, как старик, у которого смерть беспощадно
Выврала нищенский посох... Стоит ли на ней и поныне,
Аист печальный, уставясь глазами в далёкое небо?
Да, обо всём напиши, обо всём, что любил я когда-то.
Много прекрасных земель с тех пор обошёл я, но ваша
Мне вспоминалась везде, хоть нечему в ней удивляться.
Время, что с вами провёл я, сроднило меня с ней навеки.
Много бродил я с тех пор вокруг высоких блестящих

палаццо,
Всё в них огромно, и только души хозяев ничтожны...
И вспоминал я тогда вашу низкую кровлю; под нею
Всё ведь мало, лишь велики прекрасные души хозяев.
Эх, что за дьявол, чего я хвалю вас в глаза без зазренья —
Только теперь и заметил! Ведь ложь всё то, что сказал я,
Всё — бесстыдная ложь! Я взятку всучить вам задумал,
Чтоб... чтоб меня господин нотариус к делу приставил,
Место лесничего дал мне, а то свинопаса в деревне, —
Две превосходные должности, пусть мне поручит любую,
Да, мой дружок, мне скоро придётся налечь на работу:
Я ведь женюсь — ты знаешь, и знаешь что, как ни богаты
Все поместья мои, дохода от них я не вижу.
В этом виновен мой прадед: он продал... иль нет — не купил

их.
Значит, мне не на что жить и, как ты понимаешь, нужна
мне

Служба. Я кланяться выучусь, мило начну улыбаться,
Буду примерно послушен, а леть ползучего гада
Станет мне пищей (и жирной!)... О нет, блаудливым собакам
Будь она пищей — не мне! При мысли об этом
Полные пламени тучи кровавый мой взор застилают,
Сердце, бунтуя, беснуется, как жеребец разъярённый,
Если впереве пастух, его заарканив жестоко,
Тащит из табуна и за шею волочит к упряжке, —
Бешеный, он не боится тяжестей, мышцам грозящих,
Нет! Лишь хомут ему страшен, стеснитель вольного бега.

То, что он потеряет, не возместят ему кормом.
Дикой свободы дитя, соблазнится ль он пышной попоной,
Или сверкающей упряжью? Что ему пища и роскошь!
Голод свой он утолит и убогой степною травой.
Пусть гроза его хлещет в широком раздолье, под небом,
Пусть кустарник терзает и рвёт непокорную гриву,
Только б на воле ходить, состязаясь в ликующем беге
С огненным вихрем степным и с жёлтыми змеями молний.
Да охранит вас творец! Я хотел бы душой веселиться
С вами, друзья дорогие, но ветер, быстро бегущий,
Мощно надул паруса моей фантазии буйной,
Поднят якорь на борт, и вольно бежит моё судно.
Берег исчез, и меня баюкают в гордых объятьях
Волны бескрайного моря, я слушаю туч грохотанье,
Гул нарастающей бури, я в нервы лиры впиваюсь,
Пламенем диким поют мои иступлённые губы
Твой, урагану подобный, гимн, о святая свобода!

1847.

*
* * *

Лишь утро минуло — уж вечер над землёю,
Лишь минула весна — зима стучит в окно.
Недавно, Юлия, знакомы мы с тобою,
Но ты — жена моя, жена уже давно.

Вчера лишь мы отцам садились на колени,
А завтра будем тлеть мы с дедами в земле.
Дни человека — зыбь, бегущих тучек тени,
Жизнь — мимолётный след дыханья на стекле.

1847.

В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

Ещё под окном зеленеют осины,
В долинах цветут и пестреют сады,
Но снежный покров уже лёг на вершины,
Зима на горах замечает следы.
Так лето цветёт в моём сердце доньне,
Простилось оно лишь недавно с весной,
Но, видишь, виски серебрят уже иней
И чёрный мой волос блеснул сединой.

Цветы опадают, и жизнь промелькнула...
Садись же ко мне на колени, жена!
К груди моей ты головою прильнула,
На прах мой не склонится ль завтра она?
Скажи лишь одно: если первый умру я,
Пойдёшь ли в слезах ты за гробом моим?
Иль, может быть, сердце другому даруя,
Захочешь ты именем зваться другим?

Тогда растяни ты вуаль свою вдовью
Как траурный флаг над могилой моей,
И, мёртвый, пойму, что покинут любовью,
И я унесу его в царство теней,
Перевяжу им сердечную рану,
И, плача о той, что забыла меня,
Вовеки тебя вспоминать не устану,
Любить, как люблю тебя с первого дня.

1847.

ЭИ, ПРОСНИСЬ, МОЯ СТРАНА...

Эй, проснись, моя страна, —
Слышишь, кличет петел:
Он пророчит, что рассвет
Наступает, светел.

Эй, проснись, моя страна, —
Видишь, встало солнце
И глядит из облаков
В низкое оконце!

Эй, проснись, моя страна, —
Воробьи порхают,
На больших твоих снопах
Зобы набивают.

Эй, проснись, моя страна, —
Кот проснулся тоже,
Возле крынки с молоком
Лакомится лёжа.

Эй, проснись, моя страна, —
На твои отавы
Табуны чужих коней
Гонят для потравы.

Эй, проснись, моя страна, —
Виноградарь вялый
Надзирает не лозу,
А твои подвалы.

Эй, проснись, моя страна, —
Все соседи в поле
И края твоих земель
Прирезают вволю.

Эй, проснись, моя страна, —
Сон твой слишком долог:
Не раздался бы набат,
Не зажётся полог.

Эй, проснись, моя страна, —
Край венгерский, милый, —
Может быть, очнёшься ты
В глубине могилы!

1847.

МАГНАТАМ

Как здоровье ваше, баре-господа?
Шею вам не трёт ли галстук иногда?
Мы для вас готовим галстучек другой,
Правда, он не пёстрый, но зато тугой.

Мы ль вас не просили, не твердили вам:
Только человечность подарите нам!
Мы ведь тоже люди, не травите нас!..
Умолял народ вас, да не в добрый час...

Вы народ считали зверем, и теперь
Он своих магнатов загрызёт, как зверь.
Словно зверь, когтями схватит вас народ,
Всех вас передушит, в клочья раздерёт.

Эй, вы, миллионы! В поле, на простор!
Забирай лопату, косу иль топор!
Случай нас торопит, он ведёт нас в бой,
Час великий мщенья возвещён судьбой.

Баре, вы веками пили кровь рабов,
Нынче вашей кровью мы накормим псов.
Вилами в помойку! Догнивайте там!
Нынче пир великий будет нашим псам!

Впрочем, нет! Не надо! Подожди, народ!
Ты ведь благородней и добрей господ!
Самое святое после бога — ты.
Будем же достойны этой высоты.

Будем благородны и на этот раз,
Чтоб господь с любовью поглядел на нас!
Радостной десницей осенив народ,
Нам благословенье он да ниспошлёт.

Мы забудем муку тысячи годин,
Если нас, как братьев, примет господин.
Если он забудет о своих гербах,
Если подарит нам равенство в правах.

Если вы согласны, — ждём вас, господа,
Встретить вас приветом рады мы всегда.
В цепь одну, как звенья, мы сплестись должны.
Все мы нашей скорбной родине нужны!

Ждём мы — не дождёмся! Видит правый бог:
Завтра будет поздно, нынче — крайний срок.
Если вы с презреньем оттолкнёте нас, —
Пощади вас боже в ваш последний час.

1848.

ОСЕННИЙ ВЕТЕР ШЕЛЕСТИТ

Осенний ветер шелестит в деревьях,
Так тихо, тихо шепчется с листвою.
Не слышно слов, но грустные деревья
В ответ ему качают головой.

Я на диване растянусь удобно.
День гаснет. Скоро вечер. Тишина.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Рукой счастливой слышу колыханье
Её груди. В моей руке другой —
История сражений за свободу —
Молитвенник и катехизис мой.
В душе моей гигантскою кометой
Горят его живые письма.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Народ, покорный бешенству тирана,
В сраженьи гонят золото и кнут.
А вольность? За одну её улыбку
Герои в бой бестрепетно идут
И принимают, как цветы от милой,
И смерть и раны, что дарит она.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Так много славных, о святая вольность,
Пошли на смерть для дела твоего!
И пусть победы нет, — победа будет!
Последний бой сулит нам торжество.
Ты отомстишь за раненых и мёртвых,
И будет месть прекрасна и страшна.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

Передо мной кровавой панорамой
Встают виденья будущих времён:
В своей крови враги свободы тонут,
От тирании мир освобождён.
Стук сердца моего подобен грому,
И молниями грудь рассечена.
Склонив на грудь усталую головку,
Спокойно, тихо спит моя жена.

1847.

ТРУСЛИВЫЙ СБРОД, ПРЕЗРЕННЫЕ ДУШОНКИ

Ты задрожал, о сброд презренный,
Ты был не в силах скрыть испуг,
Услышав, что у нежной лиры
Исторг я первый смелый звук.
Но этот ветер — лишь предвестник
Грозы, грохочущей вдали,
С которой песнь моя, как птица,
Взметнётся к небу от земли.

Грозящий вихрь ещё далёко,
Лишь с дерева два-три листка
Да с губ моих погромче слово
Срывает он, дохнув слегка.
Куда ж вы спрячетесь от бури,
Когда поднимет рёв она,
И вывернет дубы с корнями,
И взроет сердце мне до дна,

И громом полюсы вселенной
С их вековой оси сорвёт,
И в битву ринутся стихии,
Ниспровергая небосвод,
И по залитым кровью струнам,
Последний возвещая бой,
Я в исступлении ударю
Окровавлённую рукой?

1848.

НА ВИСЕЛИЦУ КОРОЛЕЙ!

Нет больше Ламберга — кинжал покончил с ним.
Латура вздёрнули. Теперь черёд другим.
Всё это хорошо, прекрасно — спору нет!
Народ заговорил — и вот залог побед.
Но мало двух голов, смелей, друзья, смелей!
На виселицу королей!

Косарь косил траву — назавтра вновь она
В полях подьёмлется, свежа и зелена.

Садовник обрубил деревья — через год
Их ветви новые дают и цвет и плод.
Когда корчуете лес, — не оставяя корней.
На виселицу королей!

Когда же наконец, о глупая земля,
Возненавидишь ты и свергнешь короля?
О, неужели я в народ мой не волью
Неисчерпаемую ненависть мою?
Клокочет, как прибор, она в груди моей.
На виселицу королей!

Природа яд взяла, чтоб кровь его создать,
Преступной подлостью его вскормила мать,
В позоре он зачат, и жизнь его — позор,
Чернеет воздух там, куда он кинет взор,
Гниёт земля, как труп вокруг его костей.
На виселицу королей!

Война свирепствует во всех концах страны,
Пылают города, деревни сожжены,
От воплей в воздухе немолчный гул стоит,
Довольна жатвой смерть, один король не сыт,
Виновник столько бед, убийств и грабежей.
На виселицу королей!

Напрасно льёшь ты кровь, о мой народ-герой!
Корону с головы и голову долой!
Не то чудовище поднимется опять —
Тогда придётся всё сначала начинать.
Покуда время есть, о жертвах пожалей.
На виселицу королей!

Всем — наша дружба, всем — прощенье и привет.
Одним лишь королям вовек прощенья нет,
И если некому повесить их, — добро!
Я саблю отложу, я выброшу перо,
Сам стану палачом, — но только бы скорей!
На виселицу королей!

1848.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>Анатоль Гидаш. Шандор Петёфи . . . . .</i>	3
<i>Поэты XIX века. Перевод В. Левика . . . . .</i>	5
<i>Подражателям. Перевод Александра Ромма . . . . .</i>	6
<i>Аист. Перевод В. Левика . . . . .</i>	7
<i>Война приснилась как-то ночью мне. Перевод Н. Тихонова . . . . .</i>	10
<i>Кандалы. Перевод В. Левика . . . . .</i>	10
<i>Малая Кумания. Перевод Б. Пастернака . . . . .</i>	11
<i>Дворянин. Перевод Б. Пастернака . . . . .</i>	13
<i>И вот я в лете возраста мужского. Перевод В. Левика . . . . .</i>	14
<i>Одно страшит меня, друзья. Перевод В. Левика . . . . .</i>	15
<i>В конце года. Перевод Б. Пастернака . . . . .</i>	16
<i>Тисса. Перевод В. Левика . . . . .</i>	18
<i>Моя любовь. Перевод Б. Пастернака . . . . .</i>	19
<i>Бродяга. Перевод В. Левика . . . . .</i>	20
<i>Все говорят, что я поэт. Перевод В. Инбер . . . . .</i>	22
<i>Письмо к Яношу Арань. Перевод В. Левика . . . . .</i>	23
<i>Лишь утро минуло — уж вечер над землёю. Перевод В. Левика . . . . .</i>	25
<i>В конце сентября. Перевод В. Левика . . . . .</i>	25
<i>Эй, проснись, моя страна... Перевод Бориса Турганова . . . . .</i>	26
<i>Магнатам. Перевод В. Левика . . . . .</i>	27
<i>Осенний ветер шелестит. Перевод В. Левика . . . . .</i>	28
<i>Трусливый сброд, презренные душонки. Перевод В. Левика . . . . .</i>	30
<i>На виселицу королей! Перевод В. Левика . . . . .</i>	30

Отв. редактор — А. Сурков.

А—04453. Подписано к печати 1/VI—46 г. Тираж 100.000. Заказ 741.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 40 коп.